

ТАМАРА ШАРКОВА

*В нашем садочке
есть много
цветов...*

Тамара Шаркова

В нашем садочке есть много цветов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70554715

SelfPub; 2024

Аннотация

Тридцать лет назад судьба разлучила двух близких подруг – шестиклассниц Нину и Татку Костенко. Нина Ивановна ничего не знает о судьбе любимой одноклассницы. Она, как святыню, бережет книгу «Робинзон Крузо», подаренную ей Таней. Детская книжка совершенно истрепана. Нина пытается привести ее в порядок в переплетной мастерской при газетной редакции, где работает много лет. Журналистка Листовская удивлена такой бережливостью коллеги. Она с интересом выслушивает историю дружбы и разлуки Нины и Татки. И Нина Ивановна убеждается, что в жизни есть место чудесам.

Тамара Шаркова

В нашем садочке есть много цветов

*"... и так тесна была наша
дружба, что я не заметил,
как пролетели последние
три года моего испытания,
которое мы пережили
вместе..."*

*Д. Дефо. "Приключения Ро
бинзона Крузо".*

«Мой первый друг, мой друг
бесценный!»

А.Пушкин

– Елизавета Петровна! Тетя Лиза! Попросите переплетчиков!

Пожалуйста! Они Вас послушают.

Перед журналисткой самой популярной перестроечной газеты города Житина – Листовской, пожилой грузной дамой с копной наполовину серебряных, наполовину черных волос и по молодому яркими агатовыми глазами стояла главбух Нина Михайловна Книппер.

– Нинка! Какие переплетчики! – отмахнулась та. – Ты с ума сошла! Я к Казику опаздываю. И вообще, я не человек уже! Я вторые сутки не сплю. Нашему пану Фелютеку то заглавие не нравится, то конец никуда не годится, теперь еще сократить предложил!

Сказала и, тяжело переступая отеками ногами, втиснутыми в стоптанные лодочки на шпильке, стала подниматься по крутой лестнице, ведущей к обычным редакционным неприятностям.

Это жалобное "тетя Лиза" пару раз потревожило ее память в течение рабочего дня, но отозваться на него не было ни сил, ни времени.

Ночью Елизавете Петровне приснился Костик. Не тот – грузный и обезноживший после инсульта, а молодой и веселый. Он сидел за столом под вишней- чернокоркой в вышитой украинской сорочке, смеялся и макал в сметану крупную еще зеленоватую снизу клубнику с раздвоенным "подбородком." От этого клубника походила на любимые Костиком вареники, а сам он – на гоголевского казака Чуба.

– Господи! – подумала во сне Листовская с замирающим от счастья сердцем. – Чего же я все плачу и плачу?! Вот же он, Костик!

Проснулась она с легким сердцем. Вспомнила, что на сегодня взяла отгул и блаженно подремала еще полчаса.

Пятнадцать лет назад такие сны до слез терзали ее душу, а теперь, когда они приходят все реже и реже, Елизавета Петровна радовалась им, как встрече с живым Костей.

"Тетя Лиза!" – не к месту и не ко времени опять прозвучал в ее память Нинкин голос. Она вздохнула и потянулась к телефону.

– Слушай, Ниноля! У старой курицы пробудилась совесть. Приходи вечером. Я пирог испеку, и мы поговорим, что там у тебя с переплетчиками.

Нина Михайловна Книппер считалась в редакции крестницей Листовской. Елизавета Петровна устроила ее корректором в пятьдесят седьмом, когда о «Деле врачей» в бывшей черте оседлости евреев на Украине помнили крепко. И потому многие беспричинно уволенные в начале пятидесятых долго еще оставались не у дел. То есть работу себе такие люди находили: надомничали, чинили одежду и обувь, репетиторствовали, но прожить семьей на те гроши было трудно.

Нина была трогательной большеглазой девочкой с волосами цвета гречишного меда, заплетенными в две косы. Они были подвязаны "корзиночкой", которую украшали два коричневых бантика из узких атласных лент.

Елизавета Петровна хорошо знала ее мать – Мэри- Марусю – по довоенной учебе в "Днепре", так все называли Днепропетровск. Обе проходили ускоренный предвоенный курс на филфаке университета. Всю войну Листовская провела

в эвакуации в поселке Орск недалеко от Чкалова. С Мэри встретились уже в пятидесятом году в Житине, на Костинной родине. Костя, известный военный корреспондент, помог ей устроиться на работу в мужскую школу, которую сам когда-то закончил, и где его еще помнили. До Кремлевской истории с «отравителями» врачами-евреями Мэри была там библиотекарем, а потом в той же школе мыла полы и топила печи.

У Нины обнаружилась абсолютная грамотность, цепкая память и редкое трудолюбие. Она быстро прижилась в редакции, но журналисткой не стала. Закончила математический факультет местного пединститута, бухгалтерские курсы и вот теперь уже много лет главный редакционный "финансист". Разница в возрасте между Листовской и ее крестницей с годами постепенно стиралась. И хотя Нина в неофициальной обстановке по привычке называла ее тетей Лизой, они общались как подруги.

Елизавета Петровна и Нина пили чай в маленькой кухне хрущевской пятиэтажки за узким столиком. Он был поставлен вплотную к подоконнику, на котором красовались роскошные "обывательские" герани, прислоняясь ярко красными соцветиями к чисто вымытым стеклам. Большие горшки для них были сделаны по заказу в каком-то селе у местного гончара. Заделай дыру в доньшке, вари в них хоть борщ, хоть варенец или ставь в печь. Потому странно смотрелись рядом с ними две маленькие статуэтки из старинного сак-

сонского фарфора: пастушка в изящном платье с ягненком на руках и пастушок в шляпе с пером и длинным посохом, загнутым вверху бубликом.

Кухня была таких размеров, что Елизавета Петровна могла поставить на плиту чайник, сполоснуть под краном блюдо и достать из буфета заветную баночку вишневого варенья, не поднимаясь со стула.

Когда-то им с Костей удалось спасти от сноса дом, где родился и жил писатель Короленко. Для этого пришлось не один раз посещать угрюмые серые здания в Киеве и Москве и писать статьи во все центральные газеты. Дом Владимира Короленко оставили в покое, но в отместку бульдозером сравняли с землей их собственный нарядный маленький домик в три окошечка, построенный еще Костиным прадедом. Вокруг дома, как в стихах Шевченко, рос вишневый сад, и некоторые деревья, почти такие же старые, как он, устало опирались на крышу морщинистыми сучковатыми ветвями. Но каждый апрель деревья продолжали "невеститься", и когда земля покрывалась нежными лепестками их белоснежных цветов, то казалось, что выпал запоздалый снег. За садом был небольшой огород. Самыми ценными на нем были грядки с мичуринскими сортами клубники, добытыми Костей в одной из командировок. Он возился на них все свободное время: прореживал, укоренял, подкармливал. В мае друзья целыми семьями приходили к ним в гости на клубнику со сметаной, а зимой – на клубничное варенье.

Однажды днем, когда они с Костей были в редакции, разозленные городские партийные власти подогнали технику, а потом позвонили на работу. Сообщили об ордере на однокомнатную квартиру и дали двенадцать часов на сборы.

Пастух и пастушка были первым, что Елизавета Петровна сунула в свою сумку. Они достались ей и брату от деда Ивана.

Что еще они с Костей успели вынести из дома, над которым уже повисла чугунная "баба", такая же бесчувственная, как все городское партийное начальство? Костины рукописи и военный архив, белье и одежду в узлах. Посуду и мебель помогали вытаскивать соседи. Кое-что при этом осело в чужих домах. Часть потом вернули. Говорили: "Думали вас заберут, как в тридцать седьмом, так будет о вас память..." Впрочем, некоторые так и продолжают жить с этой "памятью" при живой хозяйке.

Елизавета Петровна и Нина напились чая с обещанным яблочным пирогом, поболтали о пустяках и перебрались в комнату на диван.

Долгий апрельский день никак не хотел переходить в вечер.

Листовская посмотрела через отливающие синевой стекла в балконной двери на золотисто-зеленые сережки берез и вдруг ощутила внутри себя внезапный толчок радости, знакомый по молодым годам. Какое-то мгновенное и бурное ощущение счастья существования своего "Я". Она долго не

переживала таких минут после того, как не стало Костика. Многие месяцы она жила... нет – существовала со смертной тоской в сердце. Из этих месяцев уже начали слагаться годы, как вдруг, независимо от каких-либо перемен в ее судьбе или ее душевных усилий, тоска стала превращаться в тихую печаль воспоминаний. Горе, конечно, не ушло. Оно до сих пор оставляло на сердце шрамы от своих ядовитых укусов. И если бы не такие мгновения безотчетной радости жизни, как сегодня, она давно ушла бы вслед за Костиком.

Нина молчала, и Елизавета Петровна с благодарностью приняла от нее в подарок эти тихие минуты. Они сидели, почти касаясь друг друга, и слушали, как резкие звонки детских велосипедов рассекают промытый дождем весенний воздух; как непривычно громко после зимы звучит и торопливая дробь женских каблучков, и недовольный визг электродрели, и бестолковые воробьиные ссоры. Вместе с ними слушали эту весеннюю разноголосицу высокие тополя, терпеливо ожидающие рядом с березами, надевшими сережки, когда же май заменит их полупрозрачный флер надежными зелеными фраками.

Наконец Нина выпрямилась и стала развязывать тесемки на картонной папке.

– Ну и что там у тебя? – иронично спросила Листовская, увидав стопку разрозненных пожелтевших страниц. – Десятая глава "Онегина" или второй том "Мертвых душ"?

– Это "Робинзон Крузо", – серьезно ответила Нина. – Сра-

зу после войны издали... в Минске. Сами знаете, на какой бумаге тогда печатали.

– Знаю, – вздохнула Елизавета Петровна. – Мы на такой заводскую малотиражку верстали. Закрутки из нее хорошие получались... "козьи ножки". Костя курил, и я баловалась. Так что, ты для своей Анюты нормальную книгу не можешь купить? Хочешь, я ей шикарное издание достану из последней "Библиотеки приключений"?

– Не надо, тетя Лиза. Есть у нее. Да и не собирается она ее перечитывать. Она у Саши Булгакова выклянчила, теперь Набокова выпрашивает – ей же семнадцать.

– Так для кого же переплетать эту древность?! Или это ты по ней, как Бэтэрдж из «Лунного камня» гадаешь?

– Я, – ответила Нина. – Только не гадаю. Просто иной раз открою на любой странице, прочту и все.

– Ты ... религиозные размышления имеешь в виду и все такое? – не зная, что обо всем этом думать, спросила Листовская.

– Нет. Это же детское издание. Сокращенный вариант. Нет там никаких размышлений.

Елизавета Петровна только головой покачала и уставилась на собеседницу широко раскрытыми от удивления глазами.

– Тогда, скажи на милость, с чего же у тебя такая маниакальная привязанность к "бедному Робину"?

– Мне эту книгу девочка одна подарила.

Самая первая моя подруга.

Нина замолчала. Пауза затягивалась.

– – Ну, и когда же появилась в твоей жизни легендарная подруга?

– Во втором классе.

Зимой после каникул к нам пришла новенькая. Таня, Татка. Ее привела завуч, и стали говорить, что ее папа какой-то важный городской начальник. Это было видно по поведению нашей учительницы Марии Афанасьевны, которая просто-таки обтекала новенькую своим пышным телом. Она предложила ей сесть за первую парту и отослала на последнюю девочку в очках. Наша Мария Афанасьевна была добрым человеком и справедливой учительницей, но очень боялась начальства.

На первой же перемене второклашки стали водить вокруг Татки хоровод.

" В нашем букете есть много цветов,
Мы собирали их из разных садов.

Роза, фиалка, лилия там есть,

Надо для Танечки веночек исплести..."

Татка стояла в центре, набычившись, красная от смущения. Резинка на одном чулке отстегнулась, и он сполз вниз гармошкой, открывая острую коленку.

В какой-то момент мне показалось, что это не она стоит в круге, а я. И это у меня паника и голова идет кругом от верчения множества орущих детей.

Тогда я разбила цепь из рук, как в игре "Вожатый- во-

жатый, подай пионера", схватила Татку, и мы помчались по длинному коридору...

Нина замолчала.

– Я помню вашу школу в те годы, – задумчиво сказала Елизавета Петровна. – На первом этаже были ужасные полы. Длинные гнилые доски, и еще пружинили под ногами.

Послушай, Наташа Стеблова, балерина, не с вами учились?

– Нет, она старше. Когда Наташа Снежную королеву танцевала, мы с Таткой снежинок изображали. Нас даже для газеты снимали.

– Нина! – засмеялась Листовская. – Так это я к вам с фотографом приезжала. Тебя я, прости, не помню, а Стеблову, как сейчас вижу. В зале печку не топили, холод был, как на настоящем Северном полюсе. Из рта пар идет, а девочка в пуантах, и губы у нее синие.

– А нас, малявок, спасибо пожалели. Сфотографировали так, чтобы не видно было, как из-под пачек выглядывают наши тощие ноги в чулках и валенках.

Обе рассмеялись.

– Мы с Таткой все время садились вместе за последнюю парту, там было свободное место, а нам этого не разрешали. Меня оставляли, а Татку усаживали на первую. Потом в школу пришла Таткина мама и попросила посадить нас вместе.

А знаете, тетя Лиза, у Таткиной мамы было очень редкое имя. Очень...

– Какое? – спросила Елизавета Петровна из вежливости.

– Гликерия. Как у Лики Мезиновой ... Ой, я ведь так и не вернула вам Чехова!

– Та- ак! – встрепенулась вдруг Листовская. – Очень интересно.

– Мы три с половиной года были неразлучными друзьями, а в шестом классе маму уволили с должности заведующей библиотеки. Мы переехали в другой район города, и я стала учиться в новой школе. А Татка через год навсегда уехала из Житина. Куда – неизвестно. Так и не суждено нам было больше увидеться.

– Ну, просто сентиментальная история в духе мадам Чарской! Ты что, дорогая подруга, не могла узнать в школе, куда пересылали документы твоей Татьяны? Хотя бы у твоей доброй Марии Афанасьевны.

– Тетя Лиза! Я же в шестом классе училась! Что я соображала? А мама – это же пятьдесят второй год был – мне сказала, что, судя по слухам, у Таткиного отца какие-то неприятности на работе, и не надо их семье о себе напоминать. Им только хуже будет из-за нашего «пятого пункта». Мы же евреи, а значит потенциальные космополиты и дружить с нами опасно..

– Хорошо. Тебя мама к Тане не пускала, а она к тебе приходила?

– Да. Два раза. В первый раз мама напоила нас чаем на кухне. Потом я отправилась провожать Татку. Ни о каких

неприятностях у родителей на работе она не знала. Сказала, что живет с домработницей Лизой, потому что папа в Москве в больнице, и мама поехала за ним ухаживать. Забрать к себе Татку не может.

Во второй раз я болела с высокой температурой, и Татку ко мне не пустили.

Больше она не приходила, а телефона у нас не было.

Я только потом узнала, что отец ее не в больнице был, а под следствием, по какому-то политическому доносу. Из-за этого в школе с ней даже разговаривать боялись. Те, кто хороводы раньше вокруг нее водил...

Может она и обо мне тогда думала, что я такая же, как эти девочки. А для меня мамино слово было закон. И если она сказала, что Тане от нашей дружбы будет одно горе, так как же мне было не поверить. Только мама тогда вовсе не о Татке думала, она меня в очередной раз спасала.

Нина вдруг заплакала, поднялась с дивана и пошла в ванную.

Листовская вздохнула и подумала с досадой, что чего-чего, а таких пустопорожних переживаний она от Нины не ожидала.

Не девочка уже. Какие еще рыдания по детской дружбе?!

Нина все не возвращалась, и Елизавете Петровне постепенно становилось неловко за свои пусть и не высказанные ей упреки.

Разве ей самой не ближе всех Никопольская подружка Женька, хотя и живет она теперь за тысячу верст в самом прямом смысле этих слов. Если она, Лиза Листовская, отпрашивается на недельку к ней в Москву, то говорит в редакции, что едет к сестре. Говорит, не кривя душой, потому что там, в прошлом, о котором они с Женькой, как и положено таким старым гримзам, вспоминают теперь с любовью и грустью, все их бабушки, дедушки, дядьки, тетки и даже родители уже давно стали общими. Едет в Москву, когда на старых пожарищах алым костром запыхает Иван- чай и обозначит верхушку лета, потому что спешит на день рождения младшего Женькиного сына, который был ее крестником.

Елизавета Петровна задумалась. Выходило, что партийные неприятности были у Таниного отца в пятьдесят первом или пятьдесят втором году. Тогда в городе, как обычно писали в газетах, были большие "кадровые перестановки". Первый секретарь обкома отбыл на учебу, его место занял кто-то из секретарей из южных областей, а за ним в разные стороны разлетелась почти вся партийная номенклатура. Их же тасовали, как колоду карт. Листовская вспомнила прибывшего при ней из столицы нового начальника КГБ: полного, рыхлого с круглым кошачьим лицом. В его внешности не было ничего зловещего, но, когда он сидел в президиуме, все боялись смотреть в его сторону. Новый начальник, правда, недолго занимал свое кресло. Однажды он вышел из дому к служебной машине совершенно голым, сел на переднее си-

день и уехал... в неизвестном направлении.

"Надо бы спросить у Казика, – вдруг осенило Листовскую. – Он- то, небось, знал имена всех, на кого заводили политические дела. Еще она подумала, что память Казимира Яновича – главного редактора, как несгораемый сейф. Что туда попадет, там навеки и останется. Хозяин только очень уж осторожный. Если испугается, сразу же и ключ от своего "сейфа" потеряет и код забудет... до поры до времени. Хоть фомкой его память взламывай.

Нина вернулась из ванной, блестя мокрыми волосами над лбом и кончиком отмытого от пудры носа. Выражение ее лица было по- детски беспомощным.

– Нина, у тебя что, переходный возраст? – не удержалась и фыркнула Листовская.

Нина грузно осела на мягкое сидение и махнула рукой.

– Точно, переходный. В Аниной школе я с молодыми мамашами сижу, а Саша меня бабушкой к осени сделает. Я когда это узнала, сразу стала подсчитывать, сколько лет бабуле в войну было, сколько маме, когда Саша родился. И вот тут впервые подумала о Татке, как взрослой. Понимаете, все эти годы я вспоминала ее, как ребенка. И вдруг осознаю, что сама в бабку превращаюсь, а она что же, все та же ученица пятого класса?! Подумала и ужаснулась. Я, значит, тешусь всякими воспоминаниями о детской дружбе, а она что обо мне думает?

А на днях она мне приснилась. Стоим мы над речкой возле тех скал, где черную слюду из гранита молотком откалывали. Татке друг ее родителей подарил "Занимательную минералогию" Ферсмана. Мы начитались ее и стали собирать "коллекцию" из булыжников, изображать из себя геологов. Целый чемодан камней натаскали и держали его у Татки под кроватью. Дяденька, который книгу подарил, был настоящим геологом, и о нем говорили, что он один из тех, кто на Украине открыл месторождения нефти и золота. Правда, очень небольшие. Фамилия у него была смешная – Прасол.

– Он что, тоже тебе снился? – с иронией спросила Листовская, которая не любила рассказов о снах, тем более отягощенных ненужными воспоминаниями.

– Нет, нет, – торопливо сказала Нина, – это я к слову. Так вот, идет Татка к самому краю, а я стою с белым вафельным полотенцем в руках в жгут скрученным наподобие веревки и не могу сдвинуться с места. А она идет и как бы не видит, что обрыв впереди. Я крикнуть ей хочу, предупредить, а голоса нет. Проснулась оттого, что Аня меня трясет. "Ма, – говорит, – ты меня напугала. Кричишь, а у самой глаза закрыты!" После этого я стала думать, а что, если сон в руку, и с Таткой что-то случилось. Значит, никакое чудо не поможет мне встретиться с ней и все объяснить.

– Ты, подруга, кончай в платочек сморкаться, а то и я, глядишь, подхватчу эту заразу, и будем мы с тобой до утра соплями заливаться и по соннику гадать, – произнесла Листов-

ская твердо. – Мне, сама знаешь, тоже есть, кого вспоминать. Кроме того, друзьями, насколько я знаю, тебя судьба не обделила.

– Тетя Лиза, родненькая! Это же была особенная дружба. Вот как воробышки и зверьки всякие узнают, что они одной породы? Посмотрят – и все. Мы с Таткой за руки взялись, посмотрели друг другу в глаза – и все. Хотя характеры у нас были разные.

Татка сразу же пыталась пробовать свои силы в каждом новом деле – и в играх на улице, и в школе. Безоглядно. А я часто сомневалась в своих силах. Все на перемене играют вместе, а я в сторонке стою. Боюсь подвести команду, попасть в неудобное положение. Потом стала "болеть" за Татку. Кричала: «Татка, давай! Татка быстрее!» А однажды не выдержала, сорвалась с места, и побежала от "волка" вместе с ней и остальными "гусями". И оказалось, что я в ловкости никому не уступаю, бегаю не хуже других и с Таткой могу состязаться.

Жалко, что сейчас таких игр нет. Чтобы подвигаться, все в "секции" какие-то записываются, куда ведь далеко не всех берут. А мы, как только звонок на большую перемену прозвенит, – сразу все мчались во двор, даже зимой: пальто ведь в классе на стене висели. В помещении – власть взрослых, а на улице – свобода. Заводилами в играх бывали почти всегда не тихони и отличники, а самые что ни на есть «отстающие». Татка была исключением. Не от честолюбия. Просто очень

увлекалась игрой, беготней и всегда за команду сражалась отчаянно. Вечно у нее локти и коленки до крови были сбиты.

Занимались мы одинаково. Две отличницы. Но Татка всегда была занята какими-то фантазиями и часто бывала рассеянной. Буквы пропускала, в столбиках ошибки делала, а я – нет. Тут Татка стала на меня равняться и со мной состязаться.

Мы и после школы почти все время проводили вместе. Почти – это потому что она в музыкальной школе училась, а я – нет. А жили мы рядом. Улицу перейти, потом мостик через грязный ручей (он от бани стекал) – и Таткин дом в Студенческом переулке среди сиреней. Целая роща из сиреневых деревьев. Нигде больше таких не видела.

Раньше всех расцветали белые и светло- сиреневые. Перед экзаменами в четвертом классе мы "на счастье" до того наелись с них цветков с пятью лепестками, что у нас животы разболелись. Потом распускались темно- фиолетовые махровые. Таткина мама раздавала всем огромные букеты – знакомым и незнакомым. Вот приходили с улицы люди, и тетя Луня дарила всем сирень.

Елизавета Петровна прямо- таки вздрогнула.

– Тетя Луня?

– Ну да, так Таткину маму звали в семье – "Луня".

«Вот это уже интересно», – подумала Листовская.

– А как мы замечательно играли в этих сиренях! Они же были как настоящие деревья: высокие и с толстыми ствола-

ми. Ветки наверху смыкались, и между кустами получалось что-то вроде шалаша или индейского вигвама. В одном стоял маленький детский столик и скамеечка для ног. Там мы играли в книжных героев, потому что Татка читала так же запойно, как и я. Мы редко спорили, но всегда по одному поводу. Я старалась придерживаться того, что было в книгах, а Татка вечно напридумывает новых приключений.

Мы в "Таинственный остров" играли и в "Остров сокровищ", но особенно любили представлять, что мы Робинзон и Пятница. Делали луки, стреляли в яблоки, как будто это дичь. Татка была Робинзоном, ходила на "охоту": за хлебом – в дом, за помидорами – на грядку, а я любила готовить в хижине « дичь».

Татка и в другие игры любила играть, не в саду, а в переулке.

Это была узкая улочка на шесть одноэтажных домиков. По краям ковром трава "спорыш", а по середине булыжники всех размеров. Я не знаю, почему переулок официально назывался Студенческим, но в то время там действительно почти в каждом доме жили студенты. Летом они съезжались домой на каникулы из разных городов и каждый день играли в круговой волейбол. Иногда в центр ставили кого-то, кто должен был перехватывать у игроков мяч. Его называли "собачкой". Татка просто обожала прыгать в середине круга и спасать любые мячи. Болячки на ее коленках никогда не заживали, и ей за это дома доставалось. Но я не помню, чтобы

она когда-нибудь плакала от боли. Упадет, вскочит и, как ни в чем не бывало, продолжает играть, а по ноге кровь течет. Я срывала для нее подорожник. Она перед тем, как идти в дом, поплюет на него и приложит к ранке. Я вот рассказываю и вижу все это так ясно, как в кино.

Больше всего мне нравилось приходиться к Татке зимой. Уроки мы делали быстро, а потом рисовали, картинки переводили... Это же было целое искусство: стереть намокшую бумагу сверху и не повредить рисунок. Не то, что теперь, потянешь верхний слой за уголок и готово. Теневой театр у нас был. "Дюймовочка". Мы сами все вырезали и наклеивали на картон.

Еще Татка "кино" изобрела. Ей тетя прислала из Москвы небольшой такой аппарат с увеличительным стеклом, чтобы его у глаз держать и диафильмы прокручивать. Так вот она взяла коробку от обуви, прорезала дырку для окуляра, пристроила в нее этот аппаратик, а сзади настольную лампу. На стене получалось большое изображение. Мы много фильмов пересмотрели. Чаще других крутили ленту о фрегате "Диана", капитане Головине, мичмане Муре с большими желтыми зубами и японцах. Мур был злодей и предатель. Это по книге Фраермана.

– А родители Танины, как к вашей дружбе относились?

– Тетя Луня сразу же всех за стол усаживала. Всех детей, кто с нами приходил с улицы в доме поиграть. А с отцом я вообще не встречалась. Он часто даже ночевал на работе.

Татка летом говорила: " Опять папа по колхозам поехал, а меня не взял. Теперь месяц его не увидишь».

Елизавета Петровна, которая в это время не столько слушала, сколько прислушивалась к каким- то своим мыслям, вдруг спросила:

– Бань у нас в городе было несколько. Та, о которой ты вспомнила, была недалеко от Водолечебницы?

– Да- а.

– Вы вдвоем в Робинзона играли или еще с вами кто- то был?

– К Тане в гости мальчик приходил. Олег. Я немного ревновала Татку к нему, хотя он младше нас был и не вредный. Не навязчивый. Если Татка капитан Блад, а я – его главный помощник, то Олег тут же станет нашим другом, но будет плавать на своем корабле. Сам по себе. Когда мы еще в четвертом классе были, он с родителями в другой город переехал.

– А что ты еще знаешь о Таниной жизни в Житине?

– Почти ничего. В седьмом классе начале сентября у нас однажды рано закончились уроки, и я решила пойти в старую школу. Идти нужно было через весь город, но я очень по Татке соскучилась.

Меня встретили не то, чтобы приветливо, но не равнодушно. Интересно им было узнать, как у меня дела в новой школе. А я все сводила к вопросам о Татке. Но мне отвечали неохотно. Главной заводилой в классе была Жанна Терешке-

вич. Кого- то оборвет на полуслове, кого- то оттолкнет, кого- то высмеет. А раньше была тихой такой девочкой и училась средне. Потом я узнала, что у нее появился отчим – полковник и сказал ее маме, что сделает из Жанны золотую медальстку. Жанна красивая девочка была – высокая, волосы вились и губы яркие- яркие. Ей подходило быть отличницей. Говорили, что отчим каждый день проверял у нее уроки и если находил на странице кляксу или ошибку, то заставлял переписывать всю тетрадь! Он ее дома дрессировал, а она в школе на других отыгрывалась. Жанна эта, в конце- концов, сердито мне сказала:

– Что ты к нам со своей Таней пристала. Очень даже хорошо, что она с нами уже не учится. Завуч в прошлом году с моим... отцом разговаривала и сказала, чтобы я с ней поменьше общалась. У них дома всяких книг было много, которых нельзя читать, а она читала.

И тут я сорвалась. Я наговорила Жанне много обидных слов, я назвала ее предательницей, вруньей и все такое. Я кричала, а девочки из нашего класса окружили нас кольцом и молчали. Они, по- моему, не очень вслушивались в то, что я говорила. Они обалдели оттого, что я, тихоня записная, так ору.

Ну, вот значит, я кричу, все притихли, только Терешкевич не растерялась.

– А ты, – говорит, – не предательница? Ты с ней четыре года на одной парте просидела, а теперь приходишь и спра-

шиваешь, что с ней да где она.

Что я могла ей ответить?

Растолкала я всех и побежала к Таткиному дому. По бульвару, мимо Театра, Дома офицеров, бани, по крутому спуску вниз к переулку. Бегу и Жанкин голос звучит у меня в ушах. "А ты кто?"

Дом не изменился, только сирени стали какие-то не такие. Присмотрелась. Среди листьев что-то ржаво-коричневое торчит, как опаленные куриные лапки. Вижу – засохшие кисти с семенами. Постучала в калитку. Выглянула из нее толстая тетка. Вместо фартука вокруг ее живота было повязано грязное вафельное полотенце. О Таткиной семье она ничего не знала.

Дома я маме о своих похождениях не рассказала. Был сентябрь пятьдесят третьего, мне шел четырнадцатый год, и я, наверное, почувствовала, что за все, что случилось пора спрашивать с себя. А мама что ж... Ей горя на десять жизней досталось.

Мама в тот день пришла с работы, легла на кровать и скорчилась от боли. Ее ведь с работы уволили из-за пятого пункта. Не могла еврейка заведовать школьной библиотекой. Она с тех пор полы в школе мыла и всякую тяжелую работу делала. И у меня внутри что-то такое произошло... Не знаю, как сказать... Как будто я вдруг стала старше мамы и поняла, что не она меня защищать должна, а я – ее.

– Мамочка! – закричала я. – До весны доживем как-ни-

будь, а я после седьмого класса работать пойду.

Мама в слезы.

– Какая работа! Я жилы из себя тяну, чтобы ты образование получила!

– Я получу! Вечернюю школу окончу, в институт заочный поступлю.

Нина коротко и глубоко вздохнула.

– – Очень скоро после этого разговора жизнь моя изменилась, – продолжила она. – До него Я была при маме, а потом – ОНА при мне.

Рассталась я навсегда и с Таней, и с детством.

Нина замолчала. Пауза затягивалась.

Комната постепенно погружалась в сумерки. Красные цвететия герани, похожие на вспышки салютных залпов, стали серыми. А их фестончатые листья образовали затейливый силуэт тропических зарослей. Последний солнечный блик скользнул по золотому перу на шляпе пастушка и убежал за оконный переплет.

Лицо Нины волшебным образом помолодело. Не стало видно ни тонких морщинок вокруг больших выразительных глаз цвета каштанов, ни уже заметной седины. Елизавете Петровне даже показалось, что темные волосы Нины не собраны на затылке пучком, а заплетены в косички и подвязаны «корзиночкой».

Листовская давно уже правила чужие тексты, а не писала сама. Но журналист, разыскивающий для последней страни-

цы вечернего выпуска газеты какую-нибудь душевную историю, еще жил в ней. И она, всем сердцем откликаясь на рассказ подруги, одновременно относилась к нему как профессионал. Она просто-таки видела его напечатанным – этот рассказ о первой дружбе. С прекрасным эффектным концом, который так любят читатели и о котором Нина пока не догадывалась.

– Нинка, – наконец сказал Елизавета Петровна. – У Тани твоей фамилия Костенко?

– Да, – вяло ответила Нина, но вдруг встрепенулась. – А как Вы догадались?

– Да потому что жена Олега – старшего сына моей первой подруги Женьки – та самая Татка! Твоя Таня Костенко из Студенческого переулка! И я вижу с ней каждый год.

Нина охнула и прижала обе руки к груди.

– Валерьянки хватит или сразу неотложку вызывать? – иронично и одновременно сочувственно спросила Листовская и, осторожно опираясь на отекавшие ноги, стала подниматься с дивана.

Яна и Анжела – две юные москвички из 5- "Б" , ловко перебирая тоненькими, как спички, ножками в новеньких кроссовках Адидас, спускались с шестого этажа. Они бурно обсуждали свою новую учительницу пения.

Обе сошлись на том, что батник у нее ничего, но макияж никуда не годится.

– Красной помадой губы сейчас не рисуют, – авторитетно сказала Анжела. – Моя мама губы коричневой помадой красит и карандашиком обводит.

– Смотри! – вдруг толкнула подругу Яна, и они остановились.

Половину лестничной площадки четвертого этажа занимали две потрепанные хозяйственные сумки, ручки которых были связаны скрученным мужским носовым платком и новенький пластиковый пакет с Олимпийским Мишкой. А рядом на пороге квартиры у открытой настежь двери стояли, обнявшись, трое: две женщины и мужчина. Мужчину они знали. Его все в подъезде знали. Он был художником, носил бороду и звали его Олег Борисович. А жена его, Татьяна, в университете на Ленгорах работала.

Девочки, ловко обогнув все препятствия, заспешили вниз. Они опаздывали.